

ФЛИЕР Андрей Яковлевич / Andrey FLIER

| Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности |

ФЛИЕР Андрей Яковлевич / Andrey FLIER

Россия, Москва.

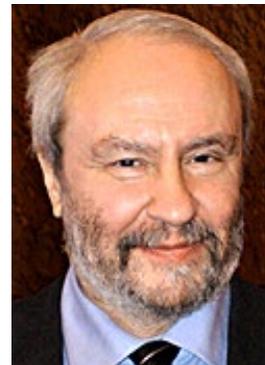
Российский институт культурологии.

Главный научный сотрудник, доктор философских наук, профессор.

Russia, Moscow.

Russian Institute for Cultural Research.

Chief researcher, PhD, Full Professor.

andrey.flier@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ: ОТ БЫТОВОГО ХУЛИГАНСТВА ДО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

История свидетельствует, что человек часто нарушает и преодолевает регулятивные установки культуры посредством разнообразных акций бытового хулиганства и интеллектуальной субъективности, что, как правило, преследует игровые и репрезентационные цели. Развитие культуры идет по пути все большей либерализации ее упорядочивающих установок, что последовательно повышает социальную приемлемость разных форм неадекватного поведения и сознания и преобразует явления культурной экстравагантности из ереси в социальную норму.

Ключевые слова: культура, программа социального поведения и сознания, хулиганство, субъективность, культурная неадекватность

Social Practice as Negotiation of Culture: From Everyday Rowdiness to Intellectual Subjectivism

History shows that people often violate and break with regulatory installation culture through a variety of types of domestic hooliganism and intellectual subjectivity which, as a rule, pursues the game and the representational goals. Cultural development follows the path of increasing liberalization of its ordering facilities. This, in turn also increases the level of social acceptability of different forms of inappropriate behavior and consciousness, transforming the phenomenon of the cultural extravagance of heresy within the social norm.

Key words: cultural program of social behavior and consciousness, hooliganism, subjectivity, cultural inadequacy

Изучение истории общества и культуры со всей определенностью показывает, что во все времена параллельно со стремлением к скрупулезному исполнению культурных норм общественного бытия и мировоззрения (культурная лояльность) имели место и разнообразные формы нарушения и искажения этих норм (культурное диссидентство). Подчинение принятым культурным порядкам было свойственно в первую очередь социальным группам разного масштаба (от отдельной семьи до этноса и сословия), а нарушали эти установления преимущественно отдельные индивиды. Причем необходимо отметить, что, если в древности не преследующее корыстных целей антисоциальное поведение (хулиганство) и вольные интерпретации культурных норм встречались сравнительно редко, то по мере приближения нашему времени такое поведение и его интерпретации стали занимать все большее место в со-

циокультурной практике исторических сообществ и вызывать все более терпимое отношение к себе.

Попробуем рассмотреть эту ситуацию системно.

Прежде всего следует дать определение понятию «культура», используемому в данной статье. Это обусловлено тем, что, как известно, в научной литературе употребляется множество различных определений культуры, большинство из которых совершенно корректно и имеет полное право на существование. Однако эти определения отражают в основном лишь те или иные частные аспекты понимания культуры и ее экзистенциальных функций. Создание единой всеобъемлющей дефиниции, в равной мере представляющей все основные параметры культуры, на мой взгляд, невозможно в принципе, по причине необъятного числа свойств и функций, которые необходимо отразить в определении.

ФЛИЕР Андрей Яковлевич / Andrey FLIER

| Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности |

Словом «культура» обозначаются:

- регулятивная система порядков коллективной жизнедеятельности общества (культура социального поведения);
 - ценностно-нормативный аспект мировоззрения человека и общества (культура индивидуального и социального сознания);
 - совокупность обычаев и нравов, верований, языков, обрядов, фольклора и народного искусства локальных сообществ (этнографическая культура);
 - совокупность статусных иерархий и ролей, тем или иным образом разделенных сегментов публичной и частной жизни, этикетных норм и манифестаций социального положения общественных групп и индивидов (социальная культура);
 - гуманитарная составляющая общественной жизни (культура символического производства, религия, гуманитарные науки и образование, система СМИ);
 - особая сфера государственной жизни, управляемая Министерством культуры (культура обеспечения досуга, актуальной художественной практики и охраны исторического культурного наследия);
- а также некоторые другие области социальной практики¹.

Сформулировать короткое систематизированное определение, охватывающее все эти значения слова «культура» и удовлетворяющее большинство вовлеченных в эту проблематику исследователей и деятелей культуры, пока еще не удавалось никому. По этой же причине, на мой взгляд, невозможно и абсолютно универсальное определение человека во всей полноте его биологических, психических, социальных и иных свойств. Этих свойств слишком много для того, чтобы уместить их в одну дефиницию.

Поэтому, я полагаю, исследователь обязан в каждой работе четко обозначать, что в данном случае он имеет в виду под культурой, чтобы быть точно понятым.

В настоящей статье под культурой понимается особая программа социального сознания и поведения, обеспечивающая коллективный порядок существования *Homo sapiens*, жизнедеятельность людей в групповых формах². Основная социальная функция культуры связана с обеспечением конструктивного характера человеческих взаимодействий и коммуникаций в ситуации их совместного бытия.

С этой точки зрения, не существует никакой самостоятельной я-культуры, как формы индивидуального самовыражения личности, хоть в какой-либо мере автономной от культуры общества. Культура возникает только тогда, когда один человек вступает во взаимодействие с другим и между ними складывается определенный и устойчивый порядок такого взаимодействия. Этот порядок и называется словом «культура». В социальной реальности объективно имеет место только

мы-культура, концентрирующая в себе принятые в данном обществе приемлемые формы коллективных взаимодействий и представления о сущности бытия. А я-культура — это более или менее условное название индивидуальных интерпретаций порядков мы-культуры, манифестируемых отдельным членом общества в тех или иных исторических обстоятельствах. Культура отдельной личности отражает в первую очередь уровень ее социализированности, степень ее лояльности принятым нормам социального сожительства.

Культура представляет собой характерное социальное явление, продукт совместной жизни, деятельности и общения людей, феномен нормативного социального сознания-поведения, регулирующий групповые взаимодействия и коммуникации членов сообщества³. Культура — это социальное сознание людей, выраженное в устойчивых нормах их поведения. Подобная практика упорядочивающей регуляции групповых взаимодействий и символических ритуалов весьма распространена и в коллективной жизни животных. В ее основе лежит стадный инстинкт⁴. Но в распоряжении человека есть еще и специальное символическое производство (искусство, религия, фольклор, этнические ритуалы), которое выполняет функции обеспечения социального поведения особым дидактическим воздействием на сознание, обучает людей желательному поведению на эталонных примерах культурных героев: религиозных подвижников, исторических деятелей, литературных и фольклорных персонажей и т. п.⁵

Таким образом, культура может быть понята как особая человеческая форма реализации свойственной всем биологическим видам, ведущим групповой образ жизни, потребности в упорядочении своих связей с социальным окружением. С этих позиций культура является не альтернативой природе (культура vs. природа), а частью природы, естественным этапом развития жизни в условиях Земли, реализацией ее коллективных форм на человеческом этапе биологической эволюции⁶.

³ Подробнее об этом см.: Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры. / А. Я. Флиер / М.: Согласие, 2012.

⁴ См. об этом: Lorenz, K. Das sogenannte Böse zur Naturgeschichte der Aggression. Wien: Verlag Dr. G Borotha-Schoeler, 1963 (Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). / К. Лоренц / М.: Прогресс-Универс, 1994); Lorenz, K. Studies in Animal and Human Behavior. / K. Lorenz / Harvard: Harvard University Press, Volume I, II, 1970–1971; Tinbergen, N. Social behavior in animals. / N. Tinbergen / London: Methuen, 1953 (Тинберген Н. Социальное поведение животных. / Н. Тинберген / М.: Мир, 1993); McFarland, D. Animal Behavior Psychology. Ethology and Evolution. / D. McFarland / Boston: University of Oxford, Pitman, 1998. (Мак-Фарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция. / Д. Мак-Фарленд / М.: Мир, 1988); Плюснин Ю. М. Инвариантные структуры отношений в биологических и социальных системах // Дисс. в форме научного доклада на соиск. уч. ст. доктора философских наук. Новосибирск: ИФП СО РАН, 1993 и др.

⁵ Об этом см.: Флиер А. Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/

⁶ См. об этом: Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. / Н. Н. Моисеев / М.: Изд-во МНЭПУ, 1998; Christian, D. Maps of Time: An Introduction to Big History. / D. Christian / Berkeley: University of California Press, 2004; Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. / А. П. Назаретян / М.: УРСС, 2008; Флиер А. Я. Культура как эволюция программ социальной активности: инстинкт — обычай — рациональное поведение / А. Я. Флиер // Вопросы социальной те-

¹ Обобщающий обзор современного состояния проблемы множественности пониманий культуры см. в кн.: Быховская И. М. Культурология в системе социально-гуманитарного знания // Основы культурологии. Учебное пособие для вузов / под ред. И. М. Быховской. М.: Едиториал УРСС, 2005.

² Ср. с определением культуры как «надбиологической программы» в работах В. С. Степина (см.: Степин В. С. Культура / В. С. Степин // Вопросы философии. 1999. № 8; Степин В. С. Цивилизация и культура. / В. С. Степин / СПб.: СПбГУП, 2011).

ФЛИЕР Андрей Яковлевич / Andrey FLIER

| Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности |

В этой связи можно предложить такую модель эволюции программ социального поведения живых существ на Земле (начиная с животных — Animalia; бактерии, растения и грибы здесь не рассматриваются, поскольку параметры их индивидуального поведения еще плохо систематизированы наукой):

- регулятором социального поведения животных является *популяционный инстинкт*, передающийся от поколения к поколению генетически, воспроизводящий длительный опыт коллективного существования данного вида и являющийся абсолютно детерминированным⁷;
- на стадии антропогенеза популяционный инстинкт постепенно дополнялся, а затем и вытеснялся социальным обычаем;
- на первобытнообщинной и аграрной стадиях человеческой истории основным регулятором социального поведения людей стал *обычай* (прежде всего этнический), передававшийся методом обучения, воспроизводивший социальный опыт локальных сообществ, закрепленный в традиции, и являвшийся в основном детерминированным⁸;
- на индустриальной и постиндустриальной стадиях развития социальная активность людей во все большей мере стала регулироваться программой *рационального поведения*, которое строится на прагматических основаниях и актуальных побуждениях к деятельности человека, принимающего решение, и является ограниченно детерминированным⁹.

Таким образом, мы наблюдаем определенную последовательность развития средств регуляции социального поведения особей: от инстинкта к обычаю и от обычая к рациональному поведению. Соответствующим образом эволюционировало и социальное состояние человека:

- от члена *популяции*, чья жизнедеятельность регулируется инстинктом;
- к члену *этнической общины*, чья жизнедеятельность регулируется обычаем;
- и далее к члену *гражданского общества*, чья жизнедеятельность регулируется свободой рационального поведения.

Инстинкт понимается здесь как генетически наследуемая программа поведения, сложившаяся посредством исторической отбраковки вариантов, опасных для популяционной устойчивости вида¹⁰. Длительность формирования инстинктов, по всей видимости, насчитывает сотни тысяч или даже миллионы лет. В программе инстинкта никакой свободы принятия решений не может быть по определению; особь, действующая по инстинктивному побуждению, не выбирает между вариантами проявления своей активности. Конечно, инстинктивное поведение является не единственной формой активности живот-

ных; наблюдаются и их непосредственно адаптивные реакции на какие-то ситуации и в определенной мере рассудочное поведение. Однако инстинктивное поведение является основной, доминирующей формой. Иные варианты поведения имеют место лишь как дополнительные, ситуативные¹¹.

Обычай — это поведенческая программа, воспроизводящая образцы «правильного» поведения, закрепленные в памяти социального опыта сообщества. Обычай был основной формой социального поведения в архаические эпохи истории (первобытную и аграрную). По существу обычай представляет собой функциональный аналог инстинкта, только наследуемый не генетически, а путем обучения и исполняемый не механически, а более или менее сознательно на основании того, что «так принято». Здесь следует отметить, что вид *Homo sapiens* является одним из сравнительно «молодых» видов, существующих сейчас на Земле, и у него еще не сложились собственные генетически передаваемые инстинкты. Однако их отсутствие компенсируют *архетипы сознания и ментальности*, лежащие в основании большинства обычаев, которые можно рассматривать в некотором смысле как человеческие заместители инстинктов. При этом не нужно забывать, что в человеческом поведении сохраняется и множество собственно инстинктов, генетически унаследованных от наших биологических предков, которые срабатывают в разных жизненных ситуациях¹². Разумеется, и на ранних этапах истории социальное поведение, обусловленное обычаем, являлось не единственной, а лишь основной формой поведения людей. Рассудочные поведенческие формы тоже имели место, но являлись дополнительными, социально локализованными и связанными больше с интеллектуальной деятельностью, нежели с бытовой практикой¹³. В поведенческой программе обычая свободный выбор вариантов поведения в принципе возможен, но нежелателен и допускается только в исключительных случаях.

Рациональное поведение — поведенческая программа, которая предусматривает сравнительно свободный выбор человеком вариантов и форм акций своей социальной активности¹⁴. Такая модель поведения, фрагментарно встречавшаяся в европейской Античности, начала активно развиваться в Новое время после Возрождения, открывшего человеческую личность как самодостаточный феномен социального бытия. В этой программе решение человека основывается на рациональной оценке: как на достижимости интересующей его цели, так и на выборе варианта поведения, наиболее соответствующего преследуемой цели. Рациональное поведение и есть *свобода* в ее практическом воплощении. Человек поступает каким-то образом не потому, что его к этому принуждают, а потому, что он сам рационально считает эти действия правильными и свободно выбирает их среди многих возможных вариантов. Конечно,

ории. Альманах Института философии РАН. М.: ИФ РАН, 2012. Т. 6 и др.

⁷ Крушинский Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности. / Л. В. Крушинский / М.: Изд-во МГУ, 1986; Крушинский Л. В. Эволюционно-генетические аспекты поведения. / Л. В. Крушинский / М.: Наука, 1991.

⁸ Об этом см.: Гофман А. Б., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции / А. Б. Гофман, В. П. Левкович // Советская этнография. 1973. № 1.

⁹ Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. / И. Т. Касавин, З. А. Сокулер / М.: Наука, 1989.

¹⁰ Об этом см.: Beer C. G. Instinct / C. G. Beer // Encyclopedia of the social sciences. Vol. 7. N. Y.: Free Press, 1968.

¹¹ См.: Экологические и эволюционные аспекты поведения животных. М.: Наука, 1974; Филиппова Г. Г. Зоопсихология и сравнительная психология: Учебное пособие для вузов. / Г. Г. Филиппова / М.: Академия, 2007.

¹² См. об этом: Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. / В. Р. Дольник / М.: Педагогика-пресс, 1994.

¹³ Гофман А. Б., Левкович В. П. Указ. соч.

¹⁴ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры / В. С. Швырев // Вопросы философии. 1992. № 6.

ФЛИЕР Андрей Яковлевич / Andrey FLIER

| Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности |

абсолютной свободы без границ не бывает, и рациональное поведение всегда ограничено нормами морали и нравственности, политическими и конъюнктурными соображениями, понятиями о чести и достоинстве, действующим законодательством и т. п. Но по многообразию возможностей выбора варианта действий, имеющихся в распоряжении человека, программа рационального поведения во много раз превосходит поведенческую программу обычая, не говоря уже об инстинкте¹⁵.

Таким образом, человеческая культура как программа поведения и сознания является историческим этапом развития жизни на Земле. Она представляет собой высшую стадию эволюции программ организации жизни, упорядочивающей формы коллективной жизнедеятельности и регулирующей взаимосвязи особи с ее социальным окружением, которая генетически заложена в развитые биологические системы и реализуется человеком на своем уровне развития. Человеку, как и другим высшим животным, свойственна потребность в «социальном порядке» как универсальном способе группового существования, что и реализуется им в формах культуры¹⁶.

И вот здесь начинается самое интересное.

Оказывается, человеку не очень уютно жить в ситуации абсолютной культурной урегулированности его жизни. Такая ситуация в большей или меньшей мере его раздражает и инициирует разные формы противодействия. Эта проблема уже давно волнует исследователей. Об этом писали многие философы Нового времени (Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр и др.) и особенно эта тема волновала мыслителей XX века¹⁷. Причину такой неудовлетворенности человека, как правило, усматривали в недостатках самой культуры. Я же, в отличие от известных критиков культуры, полагаю, что причиной подобного психологического отторжения является не столько несовершенство качеств культуры, сколько имманентно присущие ей функции стандартизации и нормирования параметров социальной адекватности, нивелирующие индивидуальность человека, обезличивающие его, растворяющие его в толпе людей, однотипно лояльных господствующим порядкам социального поведения и мировоззрения. Человеку оказывается психологически тесно в тенетах культуры и ее типовых норм сознания и поведения.

Подобная тотальная стандартизация культурных норм бытия была особенно характерно для традиционной культуры первобытного и аграрного периодов истории. С началом индустриальной эпохи начались изменения в сторону большей терпимости к индивидуальным социальным и культурным проявлениям человека, что будет рассмотрено мною в конце этой статьи.

¹⁵ Blumer H. *Collective Behavior* / H. Blumer // *Principles of Sociology*. N. Y.: Barnes & Noble, 1951 (Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994).

¹⁶ См. об этом: Астафьева О. Н. Теория самоорганизации как концептуальное основание культурной политики: проблемы теоретической культурологии / О. Н. Астафьева // *Вопросы культурологии*. 2006. № 12.

¹⁷ В числе критиков культуры XX века см., например: Freud S. *Das Unbehagen in der Kultur*. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1930 (Фрейд З. Недовольство культурой [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер — психология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/ned_kult.php); Bataille G. *La Part maudite*. Paris: Minuit, 1949 (Батай Ж. Проклятая часть. / Ж. Батай / М.: Ладомир, 2006) и др.

В ситуации психологической неудовлетворенности жесткостью норм культурной регуляции человек начал тем или иным образом нарушать стандартные культурные регулятивы как в своем практическом поведении, так и в интеллектуальных оценках наблюдаемого бытия. По всей видимости, это началось еще на первобытнообщинной стадии развития общества — судя по многочисленным социальным запретам и табу, а также жестокости наказаний за социально неадекватное поведение, характерным для первобытных коллективов, исследованных антропологами в Африке, Америке, Юго-восточной Азии, Австралии и Океании. Не было бы частых нарушений социокультурной адекватности, не сложилось бы и такой изощренной системы запретов и типовых наказаний на них.

Нужно заметить, что в данном случае в числе практико-поведенческих нарушений имеются в виду не корыстные отступления от принятых социальных правил, которые приносят какую-то выгоду человеку — способствуют его обогащению, обеспечивают преимущество в социальном положении и пр., а лишь те, которые для него прагматически бесполезны и приносят только эмоциональное удовлетворение. Подобное поведение обобщенно можно назвать бескорыстным *бытовым хулиганством*. По своим практическим формам оно редко доходит до серьезных преступлений, а обычно ограничивается демонстративными мелкими нарушениями повседневных правил коллективного общежития.

Интеллектуальное хулиганство принято называть *субъективностью* в интерпретациях или суждениях о чем-либо. Тут также речь идет не об «оригинальничании» в оценках каких-то объектов или событий, которое способствует их автору в достижении успеха, прибыли, творческой популярности и пр. (такая интеллектуальная экстравагантность вошла в моду в Европе только с XVII–XVIII века, а в традиционном обществе преследовалась как ересь). Здесь же имеется в виду интеллектуальный субъективизм, имеющий в основном эмоциональную мотивацию, близкую к бытовому хулиганству. Объектами подобных субъективных, в той или иной мере отличных от канонических интерпретаций являются вербальные тексты (религиозные, философские, литературные и пр.), политические и социальные порядки, обычаи, церемонии, художественные произведения и т. п. Формы воплощения таких интерпретаций бывают как письменные (публицистика, сатиры, эпиграммы, личная переписка), так и устные выступления различных пересмешников (писателей-юмористов, актеров-комиков, шутов, клоунов, скоморохов, салонных остроловов и т. п.). В традициях европейской культуры имели место и вполне легализованные практики пересмешничества и ерничества над официальными нормами поведения и социальными и культурными иерархиями (сатурналии, коляды, карнавалы)¹⁸. Впрочем, выражение субъективных взглядов далеко не всегда имеет юмористический характер, а может являться и вполне серьезной критикой.

¹⁸ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. / М. М. Бахтин / М.: Художественная литература, 1965; Zygulski K. *Swieto i kultura. Swieto i nowe. Rozwazania socjologa*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1981 (Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые: размышления социолога. / К. Жигульский / М.: Прогресс, 1985); Петрухин В. Я. «Праздник» в средневековой Руси / В. Я. Петрухин // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 2005.

ФЛИЕР Андрей Яковлевич / Andrey FLIER

| Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности |

Возникает вопрос: зачем это нужно человеку, какова внутренняя мотивация подобной культурной неадекватности (с точки зрения господствующей традиции), отклонения от лояльного исполнения культурных норм в поведении и суждениях?

Как последовательный дарвинист, я привык искать объяснение не укладывающихся в простую прагматическую логику поведенческих актов человека в опыте его биологических предков — высших животных. Свойственны ли высшим животным поведенческие акции, которые можно истолковать как хулиганство (о субъективизме оценок здесь по понятным причинам речь не идет)? Оказывается свойственны, и на этот счет есть свидетельства в этологической литературе¹⁹. Вредоносные действия, как правило, направленные против кого-то из представителей своего вида, не имеющие очевидной прагматической мотивации, а осуществляемые ради развлечения, т. е. фактически хулиганские по своим целеустановкам, наблюдаются у обезьян, псовых, некоторых видов птиц (например, у ворон) и др. Нам это хорошо знакомо на примере кошек и собак, которые время от времени любят безобразничать; но этот пример представляется не вполне корректным, поскольку речь идет о домашних животных, которые за несколько тысячелетий плотного общения с человеком могли что-то перенять от него.

Особенное распространение подобное хулиганство ради развлечения имеет среди детенышей животных — щенят, котят, поросят и пр. Это позволяет выдвинуть первую версию возникновения и распространения хулиганства — *игровую*. Хулиганство (так же впрочем, и субъективизм как его интеллектуальная форма) является игрой, имитирующей конфликт (которого на самом деле реально нет), обострение ситуативной диспозиции; и делается это с целью отработки навыков реакции на действительное обострение²⁰. Конечно, такая учебная цель преследуется участниками игры весьма опосредованно, но определенная дидактическая польза от такой игры несомненна.

Вторая версия — *репрезентативная*. К хулиганству (и субъективизму оценок) прибегают ради того, чтобы выделиться из толпы, привлечь к себе внимание. В предельном варианте за этим стоит стремление выделиться в группе соперников, претендующих на одну самку (у животных хулиганские акции, как правило, присущи преимущественно самцам)²¹. У людей непосредственная эротическая мотивация экстравагантного поведения и мышления встречается не очень часто; более характерно стремление к статусному социальному выделению.

Нужно понимать, что рассматриваемые здесь версии мотиваций неадекватного культурного поведения (вполне вероятно, что реально имеют место оба случая мотивации, но в разных возрастных группах — в детском и брачном возрасте) представлены в наиболее упрощенном виде, в варианте, более

свойственным животным, нежели человеку. Для человека характерна уже гораздо более сложная и социально опосредованная непосредственная мотивация проявлений как бытового хулиганства, так и субъективности интерпретаций и суждений, хотя, в конечном счете, за этим скрываются все те же игровое и репрезентативное основания. Мне представляется вероятным, что культурная неадекватность в первобытной древности проявлялась преимущественно в разных формах бытового хулиганства и лишь позднее стала дополняться, а скорее всего и частично вытесняться интеллектуальным хулиганством — субъективизмом. Т. е. речь может идти об *исторической эволюции проявлений культурной неадекватности* от бытового хулиганства к интеллектуальной субъективности интерпретаций и суждений.

Гипотеза возможной эволюции проявлений культурной неадекватности и вытеснения бытового хулиганства субъективизмом в интерпретациях и оценках вызывает необходимость в рассмотрении исторической динамики этого явления. И здесь очень полезным оказывается обращение к схеме исторической эволюции программ социального поведения человека по модели инстинкт — обычай — рациональное поведение, приведенной в начале этой статьи, с позиций которой тенденция эволюции проявлений культурной неадекватности получает системное объяснение.

Рассмотрение динамики формирования и использования систем культурных нормативов в истории показывает, что от эпохи к эпохе происходила неуклонная либерализация культурных норм, как в плане жесткости их требований к стандартам единообразного поведения и мировоззрения, так и в плане требований обязательного выполнения этих норм и возможных санкций за их нарушение. На протяжении человеческой истории мы наблюдаем, как:

- социальная свобода побеждает социальное ограничение (это очевидно на примере трансформации системы норм социальной солидарности от первобытной общины до современной либеральной демократии);
- социальная значимость творческой новации побеждает социальную значимость традиции (что иллюстрируется технологическим развитием процедур жизнедеятельности от первобытной до постиндустриальной стадий развития);
- индивидуализация преодолевает социализацию (это проявляется в утверждении и усилении авторского творческого начала в искусстве, литературе, философии, науке, технике, идеологии, политике и т. п.);
- культурная дифференциация (отторжение иного) уступает культурной толерантности, а порой и интеграции своего и чужого;
- асимметрия побеждает симметрию (в качестве иллюстрации можно привести пример эволюции формообразования от искусства Античности к искусству XX века);
- плюральность вытесняет нормативность (что иллюстрируется процессом перехода от господства жесткого обычая и его стандартов к терпимости и даже патронажу в отношении социокультурных вариаций и аномалий);
- и даже случайное (ситуативное) в культуре существенно расширяет степень частотности своего проявления и приемлемости (мы наблюдаем возрастание культурной цен-

¹⁹ См.: Lorenz K. Z. Das sogenannte Böse zur Naturgeschichte der Aggression; Tinbergen N. Op. cit.; McFarland D. Op. cit.; Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы и др.

²⁰ См. об этом: McFarland D. Op. cit.

²¹ Дольник В. Р. Жизнь — разгадка пола или пол — разгадка жизни? // В. Р. Дольник // Химия и жизнь. 1995. №№ 9, 10, 11, 12; Pfaus J. G., Kippin T. E., Coria-Avila G. What Can Animal Models Tell Us About Human Sexual Response? // Annual Review of Sex Research, 14 (2003).

ФЛИЕР Андрей Яковлевич / Andrey FLIER

| Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности |

ности абстрактного, парадоксального, движение от нормативного к оригинальному) и т. п.²²

Если в ситуации господства инстинкта обязательность самых жестких форм реализации норм социального общежития была абсолютной, то в этническом обычае уровень жесткости в нормировании поведения уже существенно снизился, хотя вариативность этих норм еще оставалась весьма небольшой. А уж в программе рационального поведения большая или меньшая вариативность порядков социального поведения и мышления стала доминирующей. Все эти исторические изменения существенным образом расширяли возможности свободы поведенческих форм, проявления и публичной манифестации субъективности в любом культурнообусловленном представлении и суждении человека. Основной вопрос видится в том, что в этом процессе культурной либерализации было причиной, а что следствием.

Мне уже приходилось писать о том, что причину подобной либерализации социальных и культурных порядков социально значимой деятельности я усматриваю в отмеченном еще Э. Дюркгеймом²³ процессе постепенной диверсификации и специализации человеческой деятельности на протяжении истории²⁴. Более сложный и специализированный труд потребовал определенных психологических условий для своего выполнения. И главное среди этих условий — большая свобода импровизации, рационализации самого труда, усовершенствования технологий, выбора форм продукции. Отсюда и постепенное шаг за шагом отступление традиций, канонических стандартов и т. п. Отсюда и ускоряющийся с каждым веком темп культурной изменчивости. А в социальной организации жизни — это отступление крестьянского этнографического обычая перед городской социальной практикой рационального поведения.

Видимо, не нужно специально доказывать то, какое значение эта культурная либерализация имела для легализации в первую очередь субъективности интерпретаций и суждений, но отчасти и нестандартного социального поведения, экстравагантной моды на одежду и пр. Это очень наглядно видно на примере истории европейской литературы и искусства. Если в средневековье субъективность интерпретаций оценивалась как ересь, то в XVI–XVIII веках субъективность стала признаваться как допустимое отклонение от нормы (а в живописи даже как сама норма), а со второй половины XIX века субъективность (оригинальность) в философии, литературе, искусстве стала главным признаком культурной адекватности современным тенденциям.

В мировоззренческом плане глубоко индивидуализированные нефигуративные, несюжетные, немелодические про-

изведения стали эталоном актуального художественного, да и — шире — культурно-философского мировосприятия. С этой точки зрения постмодернизм, который можно считать апогеем достигнутого к настоящему времени субъективизма, является не экстравагантным «шагом в сторону», а наиболее последовательным развитием описываемой культурной тенденции. От философии Ф. Ницше, литературы Р. Киплинга, музыки К. Дебюсси и живописи В. Кандинского мировосприятие и истолкование культуры самым естественным образом развилось до постмодернизма в его философской, лингвистической, социологической, художественной и иных ипостасях.

Таким образом, субъективизм и парадоксальность стали нормой современной интеллектуальной культуры. Но и в сфере бытового поведения многие широко практикуемые в наши дни формы социальных проявлений людей: поведение болельщиков на стадионах и слушателей на рок-концертах, имидж современного человека, бытовые танцы на молодежных вечеринках и пр. — еще сто лет назад были бы расценены как совершеннейшее хулиганство.

Процесс либерализации культурных порядков и поэтапный переход от императивной к вариативной модели упорядочения социальной жизни находится в полном соответствии с синергетическими законами самоорганизации сложных систем открытого типа, к числу которых, несомненно, относится и человеческое общество. Трансформация вертикальных иерархических построений в организации деятельности, сознания, миропонимания в горизонтальные сетевые, преобразование жестких императивных моделей общественного бытия в пластичные вариативные структуры рассматривается как один из системообразующих признаков развития социальных систем²⁵. В истории человеческого общества это хорошо иллюстрируется развитием форм политической организации от тоталитарных империй древности к современной либеральной демократии, эволюцией монистических типов социального сознания в плюралистические и т. п. Одним из проявлений этой тенденции является и процесс культурной либерализации.

Итак, мы видим, что практика социальной жизни постепенно шаг за шагом преодолевает традиционные нормы культуры, раздвигает границы допустимого. Свобода, в том числе и допустимость некоторых форм хулиганства, и приоритетность субъективизма как основной формы интеллектуальной деятельности, начинает доминировать в социальном бытии современных обществ. В этом видится совершенно определенная историческая тенденция развития²⁶.

Вопрос в том, как осуществлять культурное упорядочение социальной жизни на этих новых основаниях? Но это уже предмет другого исследования...

²² Подробнее об этом см.: Флиер А. Я. Вектор культурной эволюции / А. Я. Флиер // Обсерватория культуры. 2011. № 5.

²³ Durkheim E. De la division du travail social. Paris: Presses Universitaires de France, 1893 (Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Э. Дюркгейм / М.: Наука, 1991).

²⁴ См.: Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры.

²⁵ См. об этом Астафьева О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. / О. Н. Астафьева / М.: Изд-во МГИДА, 2002.

²⁶ См. об этом: Флиер А. Я. Вектор культурной эволюции.

